

*Следует признать, мы боле не в силах удерживать
нити несуществующих событий.*

Стравинский И. И.

Вступление

Трогательные, беззащитные, доверчивые люди, лесорубы, лимитчики, буфетчицы, лавочники, кашевары, охотники, кавалеры, красавчики, уродцы, герои, лодочники, недоумки, певуны, мясники, лилипуты, соседи, воры, иностранцы, пачкуны, работяги, истерики, носильщики, маньяки, историки, увальни, императоры, кликуши, носачи, лицедеи, слепни, бродяги, трутни, краснобаи, шоферы, коновалы, краснодеревщики, пианисты, орнитологи, доктора, энтомологи, писаки, сутяги,

ходоки, полярники, саперы, скалолазы, аферисты, Цицель, Стравинский и летчики. Все представлены в большой невидимой книге без начала и конца. Имя той книге «Великая мировая голубятня». Кто-то ее напишет? Кто-кто? Да никто.

Самих голубей, следует заметить, с каждым годом становится все меньше.

Прав был граф Лев Николаевич Толстой, когда произвел девственную простоту в ранг величайших истин. Часто в какой-нибудь случайной незатейливой мыслишке, промелькнувшей в минуту опьянения или усталости, содержится столько значения, что вот он и будущий роман — автору отрада, читателю сюрприз.

Я бы еще добавил случайные предметы и чрезвычайные происшествия.

Так что путеводная звезда для удачливого сочинителя не гремучий сюжет, не многострадальная идея, не багровое племя размышлений, но какое-нибудь семечко или косточка вишневая, или лестница без ступеньки, или гвоздь ржавый. Или упоминание того гвоздя. Или воспоминание о том гвозде, что оставил шрам на руке еще в детстве кисельном, или даже шрама не оставил, но встретился, случился, и не просто так, и с этим уже ничего не поделать. Словом, всякая чепуха и нелепица. Или венок нелепиц по аналогии с сонетами. Сморозил, брякнул, брякнулся, руку распорол, глядишь — поэма созрела. Или симфония. Или мозаика. Или «Великая мировая голубятня».

А лучше «Стравинский».

«Великую мировую голубятню» не потянуть. Никому из смертных не потянуть. Ибо по большому счету мы ничего о себе не знаем. И не узнаем никогда.

Да, чепуха — знак свыше. Всякому ваянию и зодчеству великое подспорье. И вообще великое подспорье.

По замыслу автора, роман должен содержать шестнадцать килограммов отборной пустоты, что делает его самой правдивой книгой о жизни во всех проявлениях.

Знаки свыше — большая редкость. Может быть, конечно, и не редкость, но не всяк умеет их распознать. Большинство ведь как думает? Происшествие и происшествие. Ну, или ужасное происшествие, чудовищное происшествие. Так думают. Не более того. Вот и блуждаем в потемках тысячелетиями.

Что такое чрезвычайное происшествие? Например, вас сбивает машина или еще лучше — удар током, вольтова дуга. Конечно, кошмар. Возможно, с так называемым смертельным исходом. Иногда обходится, удаётся отделаться, как говорят, легким испугом. Так или иначе, вся последующая жизнь и потерпевшего, и его ближайшего окружения — приложение к тому кошмару. А если это был знак? Побудительный сигнал и главный ответ на все вопросы? Или просто главный ответ безо всех этих наших нудных и однообразных вопросов длиной в жизнь?

Или первый аккорд будущей симфонии?

Поскольку дар небесный в виде чрезвычайных происшествий, как уже было замечено, большая редкость, ориентироваться писателю, художнику, композитору, как указал граф Лев Николаевич Толстой, все же стоит на обыденные нехитрые мысли, которые, в отличие от, скажем, шаровых молний, выются подле нас, точно осы вокруг омшаника.

Осы. Не случайно Аристофан воспел этих удивительных насекомых. Воспел ос и лягушек. Аристофановым лягушкам хочу посвятить отдельную главу. Уверяю вас, они того заслуживают.

Как выглядят незатейливые мысли? Вот вам пример — чепуха, которая посетила меня аккурат перед тем, как я принялся за поэму. Условно — поэму, а так, кто его знает, что получится. Может быть, роман. А может статья, вообще что-нибудь этакое...

эпистола, письмо, например. Вам, дорогие, читатели. Письма люблю, потому и вспомнил про эпистола. И слово хорошее — емкое, незатертое. Эпистола. Очень красиво!

Итак. Дорогие читатели! Пишет вам...

Нет.

Конечно, никакая это будет не эпистола. Может быть, вообще ничего не будет. Хотя что-нибудь все равно будет, раз уж гвоздь да дуга вспомнились.

Письма в прежние времена хранили бережно, бечевочкой перевязывали, а то еще и в платочек, бывало, укутают. Чаше в белый или кремовый. А вот клетчатыми платочками в таких случаях, как правило, не пользовались. Клетчатыми платочками носы обслуживали. И носили в карманах брюк. А белые, кремовые, реже синие и красные — для нагрудного кармана пиджака или вот стопку писем запеленать. Пеленали письма. Письма, фотографии, реликвии семейные. От сырости берегли и поросячьего глаза.

Свинок всегда любил. Трогательные доверчивые животные. Сдается мне, пяточки их — не просто так. Однажды услышал, уж не помню от кого, такое детское, смешное на первый взгляд...

Розетки — вовсе не розетки, а пороссячьи пяточки.

Получается, там, за стеной, свинки? Как? Каким образом? Что же, их замуровали?

Да только ли свинки? А стоны водопроводных труб, эти утробные гулкие стоны? Быть может, там, за стеной, и слоны, и мулы, и марабу, и утконосы разные, и саванна, и тропики, и драконы, и снежные люди, и новые люди, и древние. Гиперборея с гиперборейями, и Атлантида с атлантами, все такое, чего мы не видели никогда, но без чего жить не можем. Вынь да положь нам все такое.

И вынут, и положат, придет час.

Мы думаем о них, они тоскуют по нам. Свинки проще прочих и вообще родня, вот и высунули свои пяточки, нарушив условности.

Нет, не может быть. Конечно, это не настоящие свинки. Чушь, одним словом. Образ, хохма. Но не смешно. Даже как-то не по себе.

Казалось бы, безделица, услышал и забыл. Однако пристала, пристыла, не хочет отпускать. Теперь каждый раз, когда розетку вижу, волнуясь. Чушь, конечно, но...

Знаете, как бы то ни было, розетки — не просто так. Пяточки — не просто так и розетки — не просто так.

Да. С такими мыслями далеко уйти можно. И спасатели не помогут.

С образами и хохмами надобно быть очень осторожным. Все так сплетено, переплетено. Замысел непостижимый. И так называемые случайности — никакие не случайности. Не бывает случайностей. Научным языком, а я не брезгую научной литературой, так называемые случайности — не что иное, как экзистенциальный прием, способ утешения.

Зиккурат. Уловка свыше.

Научные труды, поверьте, могут быть не менее увлекательным чтением, чем, скажем, авантюрные романы. Главное — читать, не останавливаясь. Зажмуриться и лечь на спину. На спине и не умеющий плавать человек навряд ли утонет. Возьмите хотя бы Канта. Для облегчения восприятия, перед тем как погрузиться в его труды, можно немного выпить. Если на дворе январь — неплохо выпить глинтвейна. Но и водка бывает хороша, когда за окном мороз.

Свинкам хочу посвятить отдельную главу. Может быть, там, где понадобится развить тему близнецов. Мы же с ними, в сущности, близнецы. Если без ханжества.

Но, вернемся к чепухе.

Итак, мысль, посетившая меня аккурат перед тем, как я принялся за роман. То есть совсем недавно. Озарение, так сказать. Когда бы ни очевидная ее глупость, можно было бы и озарением назвать. А разве озарения не могут быть глупыми? Очень даже. Ну, да ладно. Итак, мысль.

Если бы я родился лет на сто раньше, да стал бы композитором, наверное, жизнь моя сложилась бы иначе.

Каково?

Или:

Наверняка жизнь моя сложилась бы иначе, когда бы я родился, например, композитором Стравинским. Лет на сто раньше. Или агностиком. Сегодня. Или птицей. Всегда. Они ведь, птицы, в этом их параллельном мире, кто их знает, что они там?

Уже, как видите, черед мысли. Вышеупомянутый веночек.

Иногда мысли обрываются. Точно электричество отключили. Иногда это к лучшему. Как правило, к лучшему. Порой самому остановиться чрезвычайно трудно. Просто невозможно остановиться бывает порой.

Как занимается поэма или симфония? Или роман? Или роман-симфония? Покажу на примере грядущего «Стравинского».

Я на даче. Спешно, зачем, уже не помню, взбираюсь на второй этаж. На ходу клюю вишни, они у меня в лоточке на тесемочках на шее. В голове жужжит помимо воли, важно, что помимо воли...

Если бы я родился лет на сто раньше, да стал бы композитором, наверное, жизнь моя сложилась бы иначе.

Это еще не о Стравинском. Это вообще ни о чем. Проходная ничемная мысль. А нужно было сразу сосредоточиться. Это я теперь понимаю, а тогда...

Ладно, не будем задерживаться. В это мгновение нога соскальзывает со ступеньки. Косточка немедленно залетает в дыхательное горло. Подавился косточкой. Как Иона.

Была такая история. Еще до кита. Или после. Не помню. Никто не помнит.

Нет, Иона, кажется, семечком отравился. Иона на самом деле здесь ни при чем. Иов ни при чем. Никто ни при чем. Эти аналогии с Писанием, сами знаете.

А как?

Я подавился — этого достаточно. Речь обо мне, в конце концов. Во всяком случае, в данном эпизоде. Тоже, знаете...

Словом, подавился. Кубарем качусь с лестницы. Падаю навзничь.

Куда, как вы думаете? Верно, на тот самый ржавый гвоздь из детства, о котором я и думать забыл. Гвоздь же, как выяснилось, помнил меня все эти годы.

Изображать из себя героя не стану — первоначально испугался очень. Очень. Неприятные детали испуга описывать не хочу. Современный читатель живо представит себе все то, перед чем робеет и чего стыдится читатель, застрявший во мхах традиции.

Но, рано или поздно, испуг проходит. Лежу себе, цел и невредим.

Лежу. Даже некоторую истому отмечаю, легкое кружение, не поверите, негу отмечаю.

Лежу. Глупые мысли постепенно возвращаются на круги своя.

Наверняка жизнь моя сложилась бы иначе, когда бы я родился, например, композитором Стравинским. Лет на сто раньше. Или агностиком. Сегодня. Или птицей. Всегда.

Вот вам и Стравинский.

Стравинского вспомнил, походя, даже не задумался, откуда он явился, зачем? Продолжаю лежать. Истома. И тут взгляд задерживается на мертвой лампочке под потолком. Неспешный рой праздных рассуждений, брызнув, уносится вспять. Откуда ни возьмись слепящей каплей идея — *надо бы лампочку поменять.*

И что за срочность? Перегорела и перегорела. Уже неделю как. Перегорела, стало быть, пора настала, судьба такая.

Должен признаться, в быту я крайне ленив. Опять же прекрасная погода. Осы вьются подле омшаника. Лягушки трещат в лопухах. Тут-то бы и расстаться с этой треклятой лампочкой, повернуться на бок. Так нет же. Ноги несут. Сами понесли. И вот уже я, чертыхаясь, как положено, взбираюсь в этот раз на стремянку. А в голове как заигранная пластинка все та же песенка...

Если бы я родился лет на сто раньше, да стал бы композитором, наверное, жизнь моя сложилась бы иначе.

Вот о чем я думаю частенько, когда мне на глаза попадает портрет Стравинского — как здорово, что в нем самом бекар и диссонанс. Иначе можно было бы усомниться в его подлинности.

Берусь за патрон. Даже не могу с уверенностью утверждать, успел ли прикоснуться. Не исключено, что только представил себе, как это я прикоснусь, и тотчас — бах! Искры. Следом тьма. Трах — бах! Вольтова дуга. Тотчас тьма. И тишина. Немыслимая тишина.

Всё. Поэма готова! Посмертная. Шучу. Пошутил.

А теперь уже серьезно — поэма готова. Явлена мне в мельчайших подробностях, в цвете, со всеми тонами и полутонами, запахами, временами года, героями и случайными людьми, моментальная фотография с высоты птичьего полета. Непостижимо, но факт. Нет, мы себе не принадлежим. Все прописано, предписано, расписано и распределено. Кому, как говорится, Стравинский, кому — дырка в черепе.

Что значит *непостижимо*? *Неожиданно* — другое дело.

А так логически все очень даже выстраивается. Два чрезвычайных происшествия одно за другим. Что это, как не знак свыше? Череда знаков. Венок, по аналогии с сонетами. Да еще на фоне ничемных мыслей. Как тут поэме было не случиться?

Или роману?

Поэма, роман, симфония... Если хватит терпения прочесть — решите сами. Я сейчас слишком взволнован, чтобы думать о таких мелочах.

После вольтовой-то дуги.

А когда бы еще и под машину попал — это уж совсем Везувий был бы! Но мне и шаровой молнии достаточно.

Машины, стиральные машины, швейные машины, шагающие стулья, летающие этажерки, летающие тарелки, эскалаторы, двигатели внутреннего сгорания, лебедки, насосы, роботы, говорящие роботы, механическое пианино, счетчики, счетчики Гейгера, сам Гейгер, велосипеды, мопеды, карусели, часы, карманные часы, напольные часы, турбины, вращающиеся бобины, механические цикады, часы с кукушкой, часы с инкрустацией, табакерки с чертями, спирали, канатно-висельные дороги, помпы, насосы, гидроэлектростанции, дизельэлектростанции и прочие необъяснимые механизмы — не мое. Не люблю. Никогда не любил. Я чистым электричеством восхищаюсь.

Электричество — диво дивное, что бы там ни говорили. Обожаю вопросы, связанные с электричеством. Люблю задавать их умникам, всезнайкам. Именно умникам и всезнайкам. Что с простым человеком говорить? Простой человек все чувствует. Безошибочно. Простого человека не проведешь, он и шишек набил, и в карманах у него зола. Улыбнется, промолчит. Себя экономит. Умники — другое дело. В них верховенство волнуется, дрожит. И кузнечики в глазах.

Люблю, например, спросить всезнайку:

— И что это такое, электричество?

— Управляемый поток электронов, — отвечает. А про себя думает: «До чего же дурацкий вопрос, знать, собеседник-то дурень стоеросовый».

Продолжаю заманивать в капкан:

— А электроны?

— А что электроны?

— Вот именно, что? Кто это и что это — электроны? Как их осознать и принять всей душой? Бегут, говорите? Каким образом? Куда, зачем? Должны же они иметь какую-то цель? — Передышки не даю: — Облегчить страдания человечества? Сомневаюсь. Очень сомневаюсь. Есть ли у них имена? И, наконец, почему, собственно, лампочка-то загорается?

И вот в этот момент, как раз на этом вопросе, вдруг, откуда ни возьмись — бах!

Искра, вольтова дуга, тьма! Всё!

Ответа уже не слышу. Да и нет ответа. Как можно отвечать, когда собеседник твой искрит и обугливается прямо на глазах?

Выдумка, конечно, но, согласитесь, явление вольтовой дуги в данном случае было весьма уместным и эффективным. И весьма поучительным кое для кого. Знаете, удар молнии невольно заставляет охлынуть, задуматься, пересмотреть.

Знаете что такое вольтова дуга? Не приведи господи узнать! Взрыв почище Хиросимы. Дыхание перехватывает, аорта на пределе, сердце вот-вот вырвется на волю, предсмертный восторг!

В моем случае — вдохновение.

Бах! Всё! Симфония готова.

Видите, как получается?

Другие сочинители на симфонию годы, десятилетия тратят. А как страдают при этом? Что ты! Просто почитайте доступные биографии. Воистину труженики. Страстотерпцы. Без иронии. Мозолистые души. А почему? Их током не било. И вся недолга.

Вызывает сомнения? А вы вот на что обратите свое драгоценное внимание. Одним из наиболее действенных и успешных методов лечения в психиатрии является электросудорожная терапия. С чего бы это?

А также Теслу вспомните и его Тунгусский метеорит.

А Ленин? Думаете, вождь затевал свою электрификацию, чтобы в медвежьих углах лампочки Ильича зажигали? Да он гениальные мысли таким образом культивировал.

Видите, как получается?

Кто такие электроны и что такое ток, я уже не говорю о вдохновении — поверьте, никто не знает. И не узнает никогда. Потому что все эти знания изначально принимаются как данность. И теория вероятности, и «дважды два». Почему четыре? А потому. Так принято. Беспризорник Эйнштейн придумал. Числопас. Ему бы синяк под глазом. Или уж нарукавники. Амбивалентность, мать ее. Хиросима — тоже его рук дело, если копнуть. Нагасаки как-то реже упоминают. Беспризорник, числопас. Нацарапал спросонья невесть что, а нам теперь расхлебывать. *Дважды два — четыре*, видишь ли. А то, что он язык при этом показал, почему-то не учитывается.

А вот вам — новая идея, также откуда ни возьмись и также помимо воли.

Наверняка жизнь моя сложилась бы иначе, когда бы я родился, например, егозой Эйнштейном.

Хочется немедленно записать.

Хочется — перехочется.

Записал бы и одним росчерком пера жизнь под откос пустил бы. Или взмыл бы небесным змеем. Нужно уметь вовремя остановиться.

Тут бы со Стравинским справиться. Какой еще Эйнштейн?

Удержался. Молодец.

Шучу.

Люблю лунной ночью посмеяться над собой. Днем тоже, бывает, грешу — смеюсь как полоумный.

Всякое писание — рискованное предприятие, доложу я вам. Вот говорят — *ведите дневники, ведите дневники, ведите дневники...* Не ведите. По моему опыту, даты и дневники — галька в са-

погах. Или гравий. Или в штиблетах, если вы отдыхаете где-нибудь на море, в Абхазии, например.

Обожаю Абхазию. Воистину рай земной. Я ни даты рождения, ни даты смерти своей не помню. Потому шагаю налегке. Или кружу со своими турманами над своей голубятней.

Видите, как получается?

Так что, извольте видеть, поэма моя, роман мой, или эпистола, или репортаж со дна сознания с Абхазией, собаками, турманами, иллюзиями и прибаутками готов. А начиналось все, если помните, очень просто — поперхнулся вишневой косточкой, слетел с лестницы, поцарапался гвоздем и так далее. Так что, по аналогии с известным анекдотом, простота лучше воровства. Граф Толстой, с которого я, собственно, и начал свое повествование, это хорошо знал. И одевался соответствующим образом, напоминая и подчеркивая.

По первой и главной профессии я психиатр. Вероятно, вы уже догадались.

Вообще психиатр — не профессия. Картонная коробка. Картонный домик. В домике том тайн и откровений много больше, чем существует в природе. Людям без слуха в таком домике не выжить. Без слуха и страсти к письмам. Писать можно прямо на стенках. Разумеется, изнутри. Или в уме. Не имеет значения — окошек-то нет.

Моя мысль может показаться вам парадоксальной, однако именно и только в сумасшедшем доме царит подлинная свобода.

Вообще доктора и пациенты живут здесь одной большой семьей. Со временем и во внешности их начинают просматриваться общие черты. Не до такой степени, что у Стравинских, но все же.

Так, ради любопытства, как-нибудь обратитесь к галерее знаменитых психиатров. Обратите внимание на уши, глаза...

Поскольку мы носим халаты, спутать нас с больными не представляется возможным. Разве если кто-то захочет пошутить? Шутки в нашей среде приветствуются. Шутки, розыгрыши, духовные забавы и всякого рода писание.

Так что иногда пишу. Чаще всего для себя.

Лукавлю. Иногда лукавлю. Для себя. Но чаще пишу. Если не сплю — пишу.

Вот прямо сейчас пишу. Можно проследить за ходом моих мыслей. Если интересно, конечно.

Такая игра — вы следите за моей мыслью, я слежу за вами, за тем, как вы следите за моей мыслью, на самом деле вместе читаем роман. Вы читаете — я шевелю губами.

Да, следует признать, сегодня важнейшей из всех наук для нас является психиатрия. Мысль не совсем моя. Точнее, мысль — моя, но по форме напоминает другую мысль другого человека. Наверняка догадались, о ком идет речь.

Сымитировав таким образом своеобразную вариацию на тему непреходящей злободневности, я попытался возвести содержание универсальной идеи в абсолют.

Надеюсь, содержание не вызывает у вас сомнений? Возьмите, к примеру, то и дело вспыхивающее на наших глазах безумие государств. Не только безусловно одушевленный человек, но также условно одушевленный социум и, если вспомнить Помпею или Дамхан, экзистенциально одушевленная эйкумена, а также необитаемая часть мира и сам космос нуждаются в том числе — и в первую очередь — в наблюдении психиатра.

По меньшей мере, в наблюдении.

Согласен, мысль пахнет атеизмом, потому во всяком содержательном человеке обязана вызвать отторжение. Однако же возникла, и не на пустом месте. Стало быть, была допущена к озвучению. В качестве штриха. Или аккорда, если угодно.

Вероятнее всего — как некое предупреждение.

Ну, что же, пусть покуда остается в нотной тетради черновиком.

Коробка может иметь любые размеры. Хоть Вавилонской башни, хоть спичечного коробка. Главное — не отвлекаться.

Теперь прошу обратить внимание на эпитафию. Извольте видеть, инициалы Стравинского — И. И. а не И. Ф. Это не опечатка. Речь в романе пойдет не о композиторе. Точнее, не только о композиторе. Хотя композитор выступит, безусловно. Было бы, согласитесь, чудачеством с таким-то заглавием, в перспективе развешивающихся возможностей, памятуя, и так далее...

Чудачеств бояться не нужно. Бояться следует нечудачеств.

Так что композитор Стравинский И. Ф. выступит непременно. И не только в качестве композитора, а также в качестве своеобразного шелкопряда, связующего звена, путеводной звезды и, не пугайтесь, марева.

Вы обязательно поймете, что имел в виду автор, выдохнете с облегчением и даже обрадуетесь. Чуть позже.

Не исключаю катарсис.

Случиться катарсис может где угодно и когда угодно. Но мне отчего-то кажется, что ключевым фрагментом станет одна, прямо скажем, шокирующая каденция, где вступают колокольчики. Сами поймете, когда услышите.

Катарсис, например, можно испытать, когда сосед включает свою дрель.

Так что не обязательно «Болеро». Участие Равеля в нашем путешествии не предполагается. Может быть, и напрасно.

Фрагменты помечены цифрами. Заголовки тоже присутствуют, чтобы не воспарить над писанием безвозвратно, но цифры — главное. Так структурируют партитуры. Так что перед вами скорее не текст, а партитура. Попытка симфонии.

Уже прозвучало — черновики. Лично мне черновики нравятся больше чистовиков. Всегда можно что-то исправить, изменить. Нет этого щемящего ощущения обреченности. Обреченности и в жизни, согласитесь, хватает. В последнее время — в особенности. Живем-то, если вдуматься, очень недолго. Несколько тактов в масштабах симфонии.

Хотя симфония — это не то, что написал композитор, а то, что мы слышим.

На самом деле мои герои молчат. Нам только кажется, что мы улавливаем их голоса. Это не голоса — звуки. Точнее следы от звуков, тени звуков. Про себя живут мои герои. А наяву отсутствуют. И нечему тут удивляться. Разве не поем мы песен про себя? не вступаем в мысленные перепалки? не сочиняем невидимые сочинения? И поступки совершаем героические про себя. Преимущественно героические.

Если быть по-настоящему справедливым, а это значит наряду с внешними событиями принимать во внимание события внутренние, включая мечты и сновидения, — история человечества совсем не то, чему нас учат, и сами мы — нечто совсем иное. Всякий звук — только оболочка звука, а всякая реальность, какой мы привыкли ее представлять, — лишь оболочка реальности.

Сюжет, содержание, мораль не предполагаются. Предполагаются штрихи, акценты, синкопы, что там еще? Блики, обертоны — то, что в итоге и формирует гармонию. Или дисгармонию. Как вам заблагорассудится.

Тишину, бездну можно трактовать как угодно. Свобода. Пустота. Ничто.

Может возникнуть закономерный вопрос: коль скоро ничто, зачем, в таком случае? Ответ: представления не имею. А зачем играют в шахматы, например, или ходят в горы?

Нет-нет. Все в порядке. Сейчас поясню, о чем речь. Если вы еще не догадались, именно вы, дорогие читатели, — авторы романа.

Такая игра. Приглашение в новенькую голубятню.

Как-то будете обустроиваться? Не интересно разве? Самим не интересно разве? Еще как интересно! Это вам не карточки перебирать, не нули на палочки нанизывать.

А меня как будто нет. Я уже давно сплю с котом в головах и собаками в ногах. Выпил чуток да и завалился спать. Перед сном беседуйте со своими питомцами. Возьмите за правило.

Пронзительные слова эпитафия — плод размышлений Ивана Ильича Стравинского, не композитора, но моего коллеги психиатра, еще одного значительного персонажа повествования.

О психиатрах мало пишут. Полагаю, побаиваются как самих ослепших от криков да окриков докторов, так и парящей в глубине их науки.

А напрасно.

Конечно, бывали терпкие времена, что скрывать? Но окиньте взором всемирную историю. Такое, да и похуже, случалось всегда и повсюду. И теперь случается. И будет так.

Да, тлели и тонули многие. Однако же всегда находились отдельные иные. И среди психиатров, знаете ли, тоже. А подчас и в первых рядах. Просто все такое остается за скобками, как правило. А правила, сами знаете, не всегда справедливы. Потому-то и любим мы исключения беззаветно. Любим и приветствуем. Всегда и повсюду.

Перед вами собрание исключений. Как говорится, по требованию времени. По любви и по требованию времени. По любви, не забывайте. Заглавного героя выберете себе сами. Кандидатуры, уверяю вас, все достойные. Возможно, выбор вашего сердца падет вовсе не на Стравинского. Хотя Стравинских будет даже не два, а три.

Три Стравинских, с ума сойти!

Так что психиатр Стравинский очень даже уместен. Шутка.

Я обещал вам трех Стравинских.

С Игорем Федоровичем и Иваном Ильичом я вас уже познакомил в общих чертах. Впрочем, Игоря Федоровича вы и без меня знали. Без меня или вместо меня. Шутка.

А будет еще С. Р. Сергей Романович Стравинский, агностик¹.

---

¹ Агностицизм (от греч. а — отрицательная приставка, gnosis — знание, agnostos — недоступный познанию) — филос. учение, утверждающее непознаваемость мира.

Откровенно говоря, при выборе заглавного героя я бы остановился именно на нем. Что называется вопреки. Знаете, иногда сладко выбирать вопреки. Есть в таком выборе привкус независимости, что ли. Скажу больше, когда бы ни Игорь Федорович да Иван Ильич, я бы писал исключительно о Сергее Романовиче, хотя бы потому, что он меньше других того заслуживает. Знаете, взбалмошных, непутевых детей, парадоксальным образом, любят больше.

И вообще, на мой взгляд, некоторые парадоксы уже давно пора перевести в разряд закономерностей.

А может быть, все трое — один человек. Некий Стравинский. Без инициалов. Ни живой ни мертвый. Когда человек умирает, он уже не знает, жив он или мертв. Или когда очень испуган. Или когда влюблен. О себе не думает, лишь о предмете страсти своей думает. А сам — ни жив ни мертв. Так и говорят: ни жив ни мертв. Еще говорят, душа в пятки ушла. Представить себе трудно, как такое может быть. Но говорим же? И часто.

На подошве кожа нежная. Даже если босиком много ходить. Как Толстой или японцы.

А может быть, все персонажи — ваш покорный слуга. Только не тот, что существует в природе, ходит на работу, какие-то будние разговоры, праздничные разговоры, беседы беседует, кормит собак во дворе, на балконе курит, с голубями может заговорить.

Не тот — другой. Тот, что ничего о себе не знает и даже не догадывается.

И не нужно лишнего о себе знать, потому что понять все равно невозможно.

В моем повествовании всё неправда. И если вам на глаза попадется легко узнаваемая деталь или история — не верьте глазам своим. Так что перед вами не автобиография. Скорее уместно было бы назвать его *антибиографией*, но сей неологизм мне решительно не нравится, так что забудем его как страшный сон. Мало ли какая фантазия заблудится во сне?

Осуждать спящего за его сны — последнее дело. Тем более — делать выводы.

Вывод — всегда тупик. Тупик, битое стекло и кошачий запах — вот что такое вывод.

Теперь о сыщиках. Вам же хочется чего-нибудь такого? Все мы, если вдуматься, сыщики. Одни женины похождения расследуют, другие — жизнь после жизни. Стравинский С. Р. расследует пустоту во всех проявлениях, Стравинский И. Ф. — тишину во всех проявлениях, Стравинский И. И. — бездну во всех проявлениях. А я, извольте видеть, все это за ними записываю на стенках коробки. Разумеется, изнутри.

Теперь прошу внимания. Начинаются чудеса.